

## МЕТОДОЛОГИЯ

*А.С. АХИЕЗЕР*

### **Между циклами мышления и циклами истории**

Причины циклического развития общества достаточно многообразны. В их основе могут лежать циклы солнечной активности, периодичность технологических инноваций, обновления технологии и других явлений. Но в любом случае для человека значимы лишь те циклы, которые становятся содержанием его собственной деятельности, его мотивации, его проблемой, т.е. в случаях, когда ритм становится чисто человеческой формой существования. Именно это и позволяет говорить о ритмах, циклах общества, его истории. Отсюда необходимость рассмотрения проблемы имманентности циклов человеку, его мыслям и действиям, начиная с их самых примитивных форм.

#### **От мифологических циклов к их критике**

Представление о циклах мироздания возникло на основе мифологического мышления, для которого весь мир существует как некоторый неизменный цикл, заданный культурным героем при создании мира. Поэтому эти циклы абсолютно господствуют над человеком, над всей его повседневностью. Архаичный традиционный человек, вся его деятельность, все формы сообществ, отношений могут существовать лишь включаясь в эти ритмы, растворяясь в них. Отпадение от них равнозначно изгнанию, гибели. Мир выступал как бесконечное повторение ритмов, через их неизменные изменения человеческий мир воспроизводил, сохранял свою неизменность. Память, которую несла традиционная культура, фиксировала, прежде всего, эти бесконечные ритмы, циклы человеческой реальности. Вся жизнь человека традиционного общества - бесконечная система циклов, которые он воспроизводил как ритуалы.

В архаичном обществе все формы деятельности рассматриваются как ритуалы. Мы, т.е. люди, живущие в другой культуре, выделяем в ранее нерасчлененной синкретической деятельности не подлежащие рефлексии различные ее формы, например труд, танцы, искусство и т.д. Архаичный же человек знал лишь одну деятельность - включение в неизменный цикл космоса, мироздания, человеческой реальности. Это давало определенную гарантию эффективности воспроизводства, так как циклы - ритуалы, складывающиеся, возможно, на протяжении тысячелетий, - несли в себе сконцентрированный, относительно оправдавший себя

---

*А х и е з е р Александр Самойлович - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН*

спрессованный опыт прошлого. Непрерывное их повторение несло двойной смысл: с одной стороны, достигался определенный воспроизводственный эффект, например возможность следования программе охоты за зверем, а с другой - тренаж для превращения циклов опыта в нечто неразрывное, неотделимое от сознания, культуры, деятельности соответствующего субъекта. Тем самым формировалось древнее представление, согласно которому сложившееся содержание сознания, смыслы заданы субъекту как нечто естественное, как результат действий тотема. Идея заданности была воспринята учеными и получила название архетипа. В качестве задающей инстанции выступали то ли человеческая биология (З. Фрейд), то ли Бог (К. Юнг), то ли философский абсолют. Эти гипотезы по своей сути не выходили за рамки архаичных представлений. Лишь в соответствии с духом времени они подменяли одну внешнюю для людей, для их свободы причину циклов другой. В таких условиях естественно, что на развитие теории циклов, например, О. Шпенглера и Н. Данилевского биологические модели оказали существенное влияние.

Разумеется, люди подсознательно, создавая, формируя свои представления о циклах космоса, имитировали годовые, суточные ритмы, ритмы индивидуальной жизни и т.д. Тем не менее суть мифологических ритмов следует искать в другом месте - там же, где выявляется человеческое в человеке. Опыт архаичного общества показывает, что такого рода поиск смысла циклов опасен для сохранения мифологических ритмов, так как он неизбежно связан с их критикой, с возможной потерей сконцентрированного в нем опыта, а это несет угрозу самому существованию людей. Главное для обеспечения выживаемости - не пресловутые "орудия и средства производства", а сохранение и развитие массовой способности воспроизводить оправдавший себя культурный потенциал. Такова в максимально сжатом виде суть мифологических циклов, историческая и логическая основа их воплощения в форме массовой деятельности.

Тем не менее со временем общество отказывается от идеи господства мифологических циклов. В чем причина этого? Сложность жизни общества нарастала от одного исторического этапа к другому. Важнейшим шагом стало возникновение большого общества и государства, нарастание их динамизма, внутреннего многообразия. Каждый шаг формирования все более сложного общества, все более сложных, подлежащих постановке и разрешению проблем вступал в противоречие с исторически сложившимся, фиксированным в циклах ограниченным опытом людей, а следовательно, нарастала опасность снижения эффективности решений, способности обеспечивать воспроизводство. Это означало, что дальнейшее следование значительных групп исторически сложившимся циклам оказывалось все более опасным, так как несло опыт, недостаточность которого нарастала с каждым усложнением проблем. Отсюда не только желание приспособляться к сложившимся циклам, но и попытки ограничить их влияние, означавшее наращивание стремления встать на путь линейного, прогрессивного развития. Представление о существовании этого типа динамики общества складывалось в разных формах от христианства до социальных и философских концепций, вырастало из массового утилитаризма. Процесс стимулировался ростом культуры, открывающей возможность ограничивать негативные аспекты утилитаризма.

### **Человеческая основа циклов**

Ритмы, циклы общества выступают как присущие массовому поведению значимых групп, как исторически сложившаяся и одновременно естественная реакция людей на изменения ситуации. Например, архаичное массовое выступление против власти воспринимается самими ее участниками не как результат, проявление фиксированного в культуре цикла, несущего в себе возможность массового периодического очищения от дискомфортных инноваций, а как естественная реакция против нарушения справедливости уравнительного типа.

Ориентация на уравнивательность - одна из социокультурных форм противостояния инновациям, опасным для традиционной культуры и отношений, угрожающим разрушить ритуализируемые ритмы, циклы. Рост массовых представлений о дискомфорте мира может периодически, циклически вызывать массовый взрыв, нацеленный на преодоление такого рода инноваций. Эти и другие массовые ритмы, их замещение друг другом, формирование их синтеза, их разрушение и есть важнейший элемент реальной истории.

Человек всегда воплощал то, что рассматривалось как космические ритмы. Во всяком случае таково было господствующее стремление людей. Это происходило в форме ритуалов, воспринимавшихся как заданные извне, абсолютные, сакральные, не подлежащие критике, но подлежащие воспроизводству с максимальной точностью. Ритуал не выделялся как особая форма деятельности, он и был ею. Вся деятельность, строящаяся на основе мифологической культуры, была ритмически организована, что подчиняло ее господству эмоциональной логики поведения.

Мифологическая, культура, постоянно играла роль фундамента деятельности, нацеливающей людей на воспроизводство целостности соответствующего сообщества, на сохранение неизменности ритмов, на незыблемость соответствующих сообществ, отношений людей в рамках этих ритмов. Ритуал - есть ритмы, циклы, формируемые человеком. Они могут быть формой адаптации к природным, космическим ритмам, но затем отрываются от них и способны складываться на чисто человеческой основе, где природные ритмы в их чистом виде играют все меньшую роль. (Впрочем, и природные ритмы, циклы приобретают человеческий смысл лишь в процессе их культурного освоения.)

Сегодня все более осознается, что человек живет в усложняющемся обществе, для которого характерен нарастающий поток все более трудных, подлежащих формулировке и разрешению проблем. Современный мир носит многовекторный характер, где направление развития, само отношение к нему не однозначно, но подвержено изменению, характер которого - открытая проблема для любого субъекта. Если мифологические ритмы были заданы человеку через мифологическую культуру стихийно накопленным прошлым опытом, то в современном бурном мире они *сами стали проблемой человека*, подлежащей постоянному разрешению. Это значит, что люди в процессе усложнения общества все меньше могут ограничивать свое отношение к культуре ее созерцанием, описанием, стремлением пассивно адаптироваться к ней. Необходимо в возрастающих масштабах рассматривать ее как исторически сложившийся механизм самодеятельности человека.

Культура - не только форма жизнедеятельности, но одно из ее определений. Человеческая сущность культуры проявляется во всех ее формах. Тайна механизмов культуры заключается в ее организации, которая есть организация ее функций, движения мысли, нацеленной на формирование смыслов, на осмысление и переосмысление человеческой реальности, на превращение сигналов реальной и потенциальной опасности в стимул эффективных решений, нацеленных на воспроизводство человеческой жизни, на обеспечение выживаемости. Этот процесс и составляет центральный, основополагающий цикл механизма культуры, который, повторяясь в относительно неизменном и одновременно изменяющемся виде бесконечное число раз, составляет содержание жизни человека, любого субъекта, содержание его ритмов, циклов.

В основе организации культуры лежит элементарная ее клеточка, первичный элемент организации жизнеутверждающего акта собственного воспроизводства. Среди всех ее форм воспроизводятся лишь обеспечивающие ее превращение из накопленных неорганизованных элементов в организацию, непосредственно приспособленную для формирования проблемы. Дуальная оппозиция - результат стремления людей превратить хаос в порядок, расчленив мир и синтезировать результаты расчленения. Механизм превращения культуры в проблему - исходный пункт механизма формирования культуры, каждой ее клеточки. Дуальная оппозиция - максимально простая форма культуры, реально исходный пункт для ее самоизменения.

Культура предстает как бесконечная совокупность реальных и потенциальных дуальных оппозиций: "добро - зло", "верх - низ", "правда - кривда", "мы - они", "левое - правое", "либеральный - авторитарный" и т.д. Дуальная оппозиция - результат расчленения нерасчлененного, потенция и предпосылка упорядочения результатов этого расчленения. В древности двойка считалась символом множества, противостоящая единице как нерасчлененности. Сегодня очевиден смысл этой мудрости. Множество познается как результат расчленения, конкретизации нерасчлененного, тогда как единство есть результат синтеза, обобщения множества. В античной философии была сформулирована проблема познания предмета как целостного и одновременно расчлененного, познания целого как единства множества, а множества как результата расчленения целого. Синтез этих задач и есть основной вопрос философствования [Ахиезер, 2000].

Дуальная оппозиция как основа культуры показывает, что всякий процесс формирования нового смысла проходит через напряженное поле дуальной оппозиции между ее полюсами, исторически сложившимися противоположными смыслами, концентрированными, структурированными в этих полюсах. Осмысление какого-либо явления, например произведения искусства, означает помещение его в логическую **сферу между** полюсами дуальной оппозиции. Именно в этой сфере в логическом, а не в геометрическом ее понимании, происходит качественное преобразование смысла, имеет место *переосмысление*. Количество дуальных оппозиций может нарастать, они могут сменять друг друга, составляя непрерывную цепь. Каждая из них - реальный, потенциальный котел, где и происходят события, формирующие смыслы, их потоки, наращивание культуры. За бесконечным многообразием форм и функций культуры скрывается ее особая тончайшая организация, создающая предпосылки для бесконечного, постоянного процесса развития, воспроизводства, (пере)осмысления. Культура - прежде всего, относительно организованный механизм, лежащий в основе собственного воспроизводства, что в конечном итоге определяет воспроизводство общества в целом.

Рассмотрение явления, логически расположенного **между** полюсами дуальной оппозиции, означает, что субъект поставил себя перед возможностью определенного выбора смысла из смыслов, ранее фиксированных в ее полюсах, т.е. из культурного ресурса прошлого опыта, возможно, даже весьма отдаленного. Например, осмысление нового, не осмысленного в культуре биологического явления может быть помещено в контекст заимствованного из прошлого опыта разделения всех биологических явлений между животными и растениями. Возможна и иная исходная, дуальная оппозиция, иная альтернатива, подсказанная накопленной культурой. Но в любом случае она предоставляет возможность осмысливать явление через смысл либо одного полюса оппозиции, либо дугуго.

Этот пример показывает, что, во-первых, осмысление здесь ограничено рамками исторически сложившейся культуры. Во-вторых, сам смысл нового явления формируется посредством элементарного (на первый взгляд) попеременного его соотношения со смыслом как одного, так и другого полюса. Такой перенос (пере)осмысления с одного полюса на другой - результат напряженного беспокойства (страха, страдания, осознания опасности) субъекта, открытой им неосмысленности своего мира. Для ее преодоления субъект прибегает к **экстраполяци** на осмысляемое явление смысла, исторически сложившегося, сконцентрированного на одном или другом полюсе. Тем самым субъект осуществляет возможность выбора в рамках альтернативы. В конечном итоге происходит **партиципация**, т.е. отождествление смысла нового явления со смыслом одного из полюсов, что одновременно противопоставляет это явление смыслу противоположного полюса как несуществующему. Налицо логически жесткий, бескомпромиссный процесс, в результате которого смысл еще одного явления входит в исторически сложившуюся культуру, становится ее элементом, но "помеченным" уже известным в этой культуре смыслом.

Формирование смысла нового явления происходит в результате перехода субъекта движением мысли от одного полюса к другому и обратно; Такие прямой и обратный переходы (разумеется, эти термины здесь носят не абсолютный, а соотносительный характер) могут повторяться бесконечно. Налицо возможность расценивать каждую из попыток как заблуждение, не достигающее комфортного состояния, дающее толчок переходу к противоположному полюсу, т.е. к новым поискам комфортного состояния в изменяющейся ситуации. Отсюда древнее представление об оборотничестве, где каждый смысл может оказаться фикцией, обманом, скрывающим прямо противоположный смысл. Налицо особая относительно простая логика смыслообразования - инверсия, т.е. логика осмысления, не выходящая за рамки исторически сложившихся смыслов соответствующего субъекта. Инверсия несет в себе возможность формировать некоторые цепочки таких поворотов, возможности формирования простого цикла, включающего последовательность устойчивых попыток прямого и обратного переосмысления, прямых и обратных переходов.

Так как каждый смысл реально и потенциально несет в себе программу поведения соответствующего субъекта, смыслообразующие процессы превращаются в циклы деятельности, в форму личного, группового, массового поведения, общественного движения. Это позволяет говорить об *инверсионных циклах*, точнее, о предциклах, существующих в замкнутой культурной сфере. В движении мысли, в процессе осмысления на основе инверсионной логики, можно видеть клеточку элементарной переходности, элементарную клеточку циклизма.

Инверсионные процессы исторически связаны с мифологическим мышлением, которое, как полагал К. Леви-Строс, есть машина, отрицающая время. Инверсия - яркое проявление этой мысли, так как само преодоление перехода между полюсами дуальной оппозиции происходит логически как бы вне времени, как мгновенное переворачивание смысла. Причина возникновения такой логической формы очевидна: природа инверсии носит эмоциональный характер. Это попытка субъекта ответить на дискомфортное состояние своеобразным эмоциональным взрывом, при котором задержка во времени опасна и не нужна. Субъект не нуждается во времени для размышлений, например, для поиска комфортного смысла, так как он не создавал его заново, а в мгновение ока "вытаскивал" из арсенала накопленной культуры. Для субъекта, находящегося в дискомфортном состоянии, промедление опасно, может породить дополнительные потоки дезорганизации, не открывая новых путей для поиска выхода. Сам по себе переход между полюсами является результатом не труда, деятельности субъекта, но приведенного в действие эмоционального автоматизма. По сути, в человеческом смысле это, скорее, не переход, а некоторый предпереход. Подобные процессы, происходящие на элементарном уровне, создают основу для анализа более сложных переходов и циклов.

Социокультурный смысл инверсии заключается в нацеленности на воспроизводство того, что уже есть или было. Известно, что исчезающие традиционные сообщества (сельские территориальные общины, патриархальные семейства и т.п.), если позволяют обстоятельства, воссоздаются в том же самом виде и, возможно, в том же самом месте. Это логически можно интерпретировать как результат реализации инверсионной логики, инверсионного выбора в пользу смыслов сложившихся форм общества, оправдавших себя как сохраняющих выживаемость. По сути, тут мы имеем дело с неизменным воспроизводством старых форм человеческой жизнедеятельности, культуры по сохранившимся культурным программам.

### **Инверсионные циклы в большом обществе**

Большое общество, государство возникают при достижении определенного уровня способности общества преодолевать ограниченность массового влияния инверсионной логики. Между сложностью общества и его способностью формулировать и решать все более сложные проблемы должно быть определенное соответствие. Если разрыв

между тем и другим достигает критического масштаба, то общество вынуждено решать свои проблемы в значительной степени на основе мифологической культуры, что можно рассматривать как результат и проявление архаизации. Специфика российского общества заключается в том, что груз догосударственной культуры остается в нем достаточно значительным [Кушкова, 2000].

Значительное влияние такой культуры в большом обществе означает соответствующее влияние ритмов и циклов, возникших в отдаленном прошлом. В этом случае складывается весьма специфическая ситуация. Те ритмы, которые в догосударственных локальных мирах были естественны, составляли необходимую основу для выживания, для преодоления опасностей эмоциональных реакций, теперь оказались неадекватными, опасными, возможно, разрушительными.

В России отставание массовой культуры от потребности сложного большого общества, государства достигло состояния *социокультурного раскола*. Это объясняется особенностями ее исторического развития. Здесь становление большого общества, государственности долгое время сопровождалось активизацией в нем в ответ на различные дискомфортные факторы, вызывающие массовые мифологические циклы, мифологических ценностей, которые дезорганизуют большое общество, снижают эффективность его функционирования, эффективность принятия решений, возможно, порождают угрозу национальной катастрофы.

Циклы, сложившиеся в древности в рамках локальных миров, соответствовали не только потребностям воспроизводства, но и способности соответствующих сообществ удерживать эти ритмы, циклы в рамках сложившихся отношений, сохранять сообщество от разрушения. Но если большое общество унаследует эти ритмы и циклы, то последствия могут коренным образом измениться. Например, эмоциональная борьба за справедливость в локальном сообществе, в деревне держится в безопасных для этой целостности границах, тогда как в большом обществе она может принять характер массового восстания, угрожающего национальной катастрофой. Например, в средневековом Китае восставшие крестьяне периодически свергали императора, центральную власть, которые не смогли обеспечить сохранение древнего уравнительного землепользования. Древние ритмы, циклы в большом обществе могли противостоять развитию новых форм производства. Например, луддиты в Англии уничтожали машины, а русские крестьяне во время восстаний разрушали фабрики. Они также разрушали основы государственности как таковой, например восстанавливали во время смуты власть локальных миров, казацкого круга, местных вечевых институтов, откуда и пошла в XX век идея власти советов и т.д.

К этому же типу явлений относятся подробно описанные циклы российских нравственных идеалов, в результате которых в обществе циклически меняется господство идеалов авторитарного и соборно-локалистского, вечевого и либерального, умеренного и развитого утилитаризма. Формируются сложные и опасные катастрофой инверсионные циклы, по своей сути несовместимые со сложными проблемами большого общества, государства [Ахиезер, 1997-1998].

Мне уже приходилось писать о мифологических волнах, толкавших Россию в пучину войн, не отвечающих национальным интересам и, в частности, приведшим в результате Первой мировой войны к национальной катастрофе [Ахиезер, 1999; Ахиезер, 2001]. Механизмы подобных процессов требуют детального изучения, без которого невозможно понять механизмы динамики российского общества XX века. Сложившаяся в России в начале этого века ситуация открыла путь к власти большевизму, который сделал ставку на "подстрекательское обращение именно к хтоническому символу, к низшему, аффективному слою коллективной советской личности, к ее волонтактивно-бунтарскому началу - при несомненной самоидентификации с безжалостным тираном-возничим" [Вайскопф, 2001, с. 79]. Большевизм "через голову поверженного и адаптированного христианства обращался к древней языческой стихии" [Вайскопф, 2001, с. 130]. Это означало не только открытость общества мощнейшим стихийным циклам архаичного типа, но и столкновение архаичных культурных

волн с современными типами культуры, приводящее к глубокой дезорганизации общества. Из этой ситуации есть лишь один выход - массовый поворот к господству медиационной логики.

### **От инверсии к медиационным циклам**

Рост сложности общества приводит к тому, что собственное, воспроизводство субъекта может быть продолжено лишь при развитии соразмерной способности субъекта формировать качественно новые смыслы не только и не столько на основе ранее сложившихся культуры и отношений, не столько в русле инерции истории, сколько выходя на качественно новый уровень, развивая собственную способность принимать все более эффективные решения.

Любые смыслы культуры от самых приземленных, например, как вбить гвоздь, до самых возвышенных, раскрывающих смысл бытия, проходят этап решения. Его суть в преобразовании смысла, проблемы в особую форму динамики культуры, соединяющей волю, действие, программу субъекта. Решение, как и все формы культуры, - определенная форма расчленения и синтеза субъекта. Решение превращает абстрактную программу непосредственно в деятельность субъекта, изменяющего самого себя, свои цели, средства, условия. Представление о превращении смысла в программу человеческой деятельности помогает понять смысл культуры как выражение человеческой способности утверждать себя в усложняющемся, изменяющемся мире, как воплощение человеческих способностей. Преобразования смысла в формы программы, решений есть воплощение меры способности человека превращать свою деятельность в эффективно планируемую, проектируемую, прогнозируемую. Это означает, что по своей сути проблема осмысления заключается не столько в использовании уже готовых смыслов, их экстраполяции на новые явления, сколько в формировании новых смыслов, соответствующей логики, более сложных переходов, более сложных циклов.

В инверсионной логике содержится определенное противоречие, анализ которого раскрывает ее фундаментальную ограниченность. При анализе конкретной инверсии выясняется, что она возможна лишь в случае, когда субъект несет в себе определенный потенциал сопротивления изменениям, которые отсутствуют в ранее сложившихся ритмах. Энтропийные процессы постоянно вносят дезорганизацию в любое сообщество. Например, один из родителей разрушает семью тем, что ее покидает; разрушаются хозяйственные уклады, не выдерживающие конкуренцию; производство проникается и даже замещается коррупцией и т.д. В культуре могут иметь место потери отдельных ее элементов, ценной для последующего воспроизводства информации, секретов мастерства, влияния в обществе высоких нравственных ценностей и т.д. Речь идет о вариантах, когда теряются элементы культуры, необходимые для осмысления явлений, когда исчезают исторически сложившиеся культурные программы. Отсюда следует, что для сохранения культуры, общества, для его воспроизводства в максимально неизменном виде необходим механизм, не только сохраняющий то, что еще есть, но и восстанавливающий то, что по тем или иным причинам исчезло.

Тем самым для восполнения потерь, для продолжения воспроизводства даже на статичной основе возникает необходимость восстановления утерянных смыслов, программ. Инверсия в чистом виде - всего лишь идеальный тип, который в реальном мышлении, в смыслообразовании никогда не мог бы реально существовать. Он существует постольку, поскольку включает в себе некоторую возможность заново воспроизводить утраченные элементы культуры. Такая возможность присутствует во всех без исключения культурах, ибо без нее они неизбежно бы исчезли. Из этого следует, что различие традиционной и либерально-модернистской культур не разрушает единства культуры человечества, так как в обоих случаях присутствует способность воспроизводить инновации, хотя и существенно различным образом. Данная способность имманентна любому субъекту культуры.

Анализ проблемы приводит к исключительно важным результатам: инверсия выступает как нулевой цикл логики медиации. Для последней характерно существенное принципиальное возрастание значения сферы между полюсами дуальной оппозиции. Медиация призвана решать, по сути, задачу, противоположную инверсии, т.е. искать выход за рамками исторически сложившегося содержания культуры, формулировать новые смыслы. Она представляет собой концентрацию на этом переходе творческого потенциала субъекта, его саморазвитие. Медиация - категория разума, для которого, как полагал И. Кант, характерно беспокойство. Именно здесь концентрируются сущностный творческий процесс, напряженная деятельность субъекта, непосредственно направленная на собственное переосмысление.

Медиация логически выстраивается над инверсией, развиваясь как стремление разрешить те проблемы, которые на основе инверсии невозможно не только разрешить, но и осмыслить. Исходная точка медиации та же, что и в инверсии, т.е. дуальная

оппозиция, полюса которой концентрируют в себе, воплощают противоположные смыслы. Однако медиация постоянно наполняет ее конкретным динамичным сложным содержанием, усложняет ее, выходит за ее рамки, формируя новые дуальные оппозиции. Медиация есть ответ человека на собственную неспособность осмыслить усложнившиеся проблемы на инверсионно-эмоциональной основе. Если инверсия пролетает сферу между моментально, логически вне времени, тем самым игнорируя, отрицая ее, то медиация входит, точнее *формирует эту сферу*, исходя, однако, из того, что время есть ресурс, хотя и всегда ограниченный.

Осмысление медиационного типа включает стадию, которую условно можно рассматривать как признание недостаточности инверсии, как попытку ее критики, осознание неэффективности, невозможности и даже недопустимости осмысления всего лишь на основе инверсии, партиципации. Стихийное, осознанное развитие медиации происходит в результате усложнения проблем, стоящих перед обществом. Концентрация в культуре опыта с нарастающей настойчивостью требует повышения эффективности воспроизводственной деятельности. Но реализация этого понимания возможна лишь на основе развития способности субъекта создавать новые, все более сложные смыслы, переходящие во все более эффективные программы, решения. Здесь с очевидностью выявляется значимость роста возможностей человека по наращиванию, углублению, развитию своих способностей, продвижению ко все более высоким творческим результатам.

Способности субъекта есть его реализуемая потребность и возможность выходить за рамки собственного "Я", сложившегося содержания культуры и отношений, для выхода на более эффективный уровень воспроизводственной деятельности. Способность всегда есть переход субъекта из одного состояния в другое, его самоизменение, саморазвитие, вектор которого направлен на все более высокую эффективность в усложняющемся мире. Эта реализация сложна, несет в себе цикл последовательных действий. Логика медиации ведет к тому, что иногда называют срединной культурой [Давыдов, 1999], т.е. смыслом, возникающим в результате роста критического отношения к ранее сложившемуся смыслу, фиксированному как на одном, так и на другом полюсе исходной оппозиции.

Медиация включает творческий синтез исходных смыслов полюсов дуальной оппозиции, открывающий возможность, как говорил известный российский философ Г. Батищев, выхода в новое логическое пространство. Можно также сказать, в новое культурное пространство. Происходит выход к качественно новому смыслу.

Синтез принципиально отличен от партиципации. Он возникает не в результате абсолютизации одного смысла и отпадения субъекта от противоположного. Инверсия - ответ на эмоциональный сигнал, воспринимаемый как своеобразный инверсионный приказ, ощущаемый как независимый от собственного "Я". Наоборот, медиация протекает как напряженный поиск собственных ресурсов, как результат их активизации, способностей находиться в постоянном напряженном поиске самоуглубления. Медиационное решение достигается в результате такой одновременной



интерпретации смыслов, сконцентрированных в каждом из полюсов дуальной оппозиции, которая должна обеспечить их слияние, синтез, целостность.

Синтез есть новая целостность, получаемая в результате творческого поиска субъекта. Интерпретация есть попытка переосмысления экстраполяции на основе корректировки старого смысла новыми условиями: возможно, новыми средствами или новыми целями. Каждая содержательная дуальная оппозиция представляет собой результат множества смыслов, синтез неопределенно большого, практически бесконечного множества предшествующих синтезов предшествующих смыслов. Интерпретация - уход от простой партиципации, результат включения в осмысление критики исходных смыслов на основе нового опыта. Достижение этого синтеза всегда трудно и сложно. Оно имеет смысл как умение сохранить в каждом из ранее сформулированных смыслов тот аспект (аспекты), который и составит необходимый элемент эффективного синтеза смысла. Происходит снятие ранее сложившихся смыслов, т.е., возможно, тончайшая их интерпретация, превращающая каждый из них в элемент нового синтеза на основе нового опыта, возросшего культурного богатства. Старые смыслы не уничтожаются, но оттесняются на задний план в культурное подсознание. Они сохраняют свою ценность и как уровень осмысления менее сложного этапа человеческой реальности, потенциал логики его преодоления, и как веха, хранящая определенный уровень человеческих способностей, и как вектор его повышения, этап на пути формирования более эффективных способностей.

Направленность этого процесса, который можно воспринимать как намек на вектор дальнейшего анализа и синтеза, намек, подлежащий критической интерпретации, как формирование синтеза есть поиск меры смысла, прежде всего поиск путей сближения аспектов ранее сложившихся смыслов, их интерпретация на новом основании. Данный процесс должен стать основой для интерпретации осмысляемого явления, для его переосмысления.

Сокращенное, сжатое изложение сути медиации приводит к некоторым важным выводам. Медиация превращает сферу между дуальной оппозиции в реальный переход, который проходит человеческое творчество, мысль, словообразование, превращаясь в разворачивание, саморазвитие творческих сил, способностей человека. А это в свою очередь означает, что дальнейшее усложнение медиации идет в разных направлениях и не в последнюю очередь через перерастание предциклов инверсии в циклы медиации, перерастание инверсионных ритмов в медиационные циклы.

### **Большое общество и культурные циклы**

Медиация - прежде всего, развитие свободы. Суть свободы не редуцируется к возможности выбора, как это часто трактуется. Такая возможность - явление инверсионного уровня, ибо оставляет человека в рамках ранее достигнутых достижений культуры. Она позволяет выбрать, например, между белыми и красными, т.е. между двумя лагерями, которые вели братоубийственную борьбу. В самой такой альтернативе предполагается выбор между двумя вариантами зла. Свобода, которую несет медиация, заключается в стремлении формировать новые цели, новые средства, новые условия, новый выбор, т.е. постоянно расширять, углублять само содержание свободы. Без углубления свободы в результате развития медиации невозможен выход к новым смыслам, к новому синтезу, к новой мере. Свобода - условие, средство и цель медиации, ее результат.

Развитие медиации как свободы преодолевает ограниченность инверсии, меняет содержание, саму суть ритмов, присущих деятельности людей. Анализ их механизма в российской истории показал, что в ее циклах преобладает инверсионная логика. Тем не менее результирующая процесса определяется также степенью развития на заднем плане медиации, медиационной критикой сложившихся инверсионных циклов. Развитие эволюционных идей, представления о линейном прогрессе - лишь одна из форм этой критики.

Российские массовые инверсии вместо того, чтобы постоянно переходить от одного полюса к другому и обратно, в действительности создают сложные циклы, состоящие из семи этапов. Исторический анализ показывает, что наращивание в истории уровня медиации тормозит инверсионный цикл, замедляет, снижает его сокрушительный размах. Отношение между исторически сложившейся инверсией и уровнем медиации на протяжении одного цикла в России существенно менялось. Инверсионное торможение цикла в истории страны имело и обратную сторону: сдерживание массовой инверсионной энергии приводит в конечном итоге к тому, что на каком-то этапе она прорывается через сдерживающую силу медиации. Массовая сокрушительная инверсия выливается либо в безумства крайнего авторитаризма, что в России имело место на петровском и сталинском этапах, либо, наоборот, в крайности разрушения государственности, массовой смуты, которую страна переживала несколько раз [Ахиезер, 2001].

Отсюда правомерность гипотезы, согласно которой *содержание, характер, интенсивность циклов в обществе определяются постоянно меняющимся влиянием массовой инверсии и мощью массовой медиации, их отношением между собой, их динамичной результирующей*. Россия - пример большого общества, где инверсия приобрела сильнейшее массовое влияние, но одновременно подверглась медиационной критике, оказывающей корректирующее влияние на общий результат. Это не может не воздействовать на изменение циклов, на изменение массовых программ массовой деятельности, определяющих массовые ритмы, циклы, всю динамику исторического процесса. Циклы истории, с одной стороны, выступают как проявление инерции истории, т.е. бессознательного следования людьми сложившимся культурным циклам. Такая стратегия в изменившихся условиях может вести к катастрофе, что и объясняет гибель бесчисленных народов, гибель казалось бы могущественных империй. Но, с другой стороны, циклы истории - результат ее медиационной критики. Оба аспекта всегда существовали, но мера их соотношения, соотношение их энергетических потенциалов менялись.

Особенно нарастает значимость медиации в XX веке, когда темпы усложнения мира сделали повышение эффективности массовых решений и деятельности проблемой существования человеческой цивилизации. Тем не менее, разрушение России и Германии стало результатом того, что в основе их программ лежали древние мифы. В первом случае это был миф натурально-уравнительного общества во главе с вождетотемом (вплоть до невиданной попытки создать самую сложную в истории централизованную систему натурального хозяйства, раздутого до масштабов большого общества, да еще нацеленного на развитие). Во втором случае общество было нацелено на архаичные племенные мифы, где людьми считалась лишь избранная кровнородственная группа, а все другие превращались в сырье для мыла. Все это означало, что господство инверсионных ритмов в большом обществе все менее совместимо с выживаемостью.

Постоянные изменения в соотношении факторов, определяющих циклы, приводят к бесконечному разнообразию циклов разных обществ. П. Сорокин считал, что в обществе существует множество краткосрочных и долгосрочных разнонаправленных, непериодических флуктуации (колебаний: циклов) [Сорокин, 2000]. При этом он полагал, что данные циклы носят бесцельный характер (это не отменяет того, что люди связывают их со своими целями). Цели циклов формируются вместе с медиацией, которая расчленяет синкретизм инверсионных ритмов на условия, средства и цели.

В результате осознания опасности истории, страха перед ней, возникло два культурных процесса. Один из них фиксировал, возможно, в неадекватных формах, существование исторического прогресса, его значение как блага для людей, как условия и средства разрешения накапливающихся проблем. Но задолго до Просвещения возник страх перед историей, перед необратимыми изменениями, разрушающими древние циклы. Уже в Европе в средние века крестьяне восставали против исторических сдвигов в обществе, бросив лозунг: "Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда

был дворянином?". Возникли также фантастические логически смешанные типы воззрений, где удивительным образом сочетались обе разрушающие друг друга тенденции, обрекая подобные идеологии на крах. Яркий пример такого смешения - большевизм [Ахиезер... 2002].

Неоднозначное отношение к мифологическим ритмам привело к поляризации человечества. По-прежнему существуют традиционные общества, пытающиеся сохранить основы традиционализма, веру в возможность жить по мифологическим циклам, что не исключает, однако, возрастающего влияния медиации. В то же время возникла западная либерально-модернистская суперцивилизация, нацеленная вплоть до уровня повседневности на достижительные ценности, на постоянное развитие способности личности, всего общества обеспечивать свою выживаемость в процессе собственного развития, т.е. на отнесение неизменных ритмов на задний план и выдвигание на первый план ценности саморазвития человека. Это не значит, что в данной суперцивилизации ритмы истории вообще исчезли. На Западе их можно видеть в периодическом колебании электората от попыток заставить власть расширить массовые социальные программы к противоположным попыткам ее приближения к программам развития источников богатства.

Однако масштабы и последствия таких циклов трудно сравнивать с российскими. Специфика России, в частности, заключается в том, что в ней исторически не сложился внутренний диалог, не сложились эффективные институты, способные обеспечить бесконфликтное сотрудничество, диалог между ценностями, сообществами традиционного типа и ценностями медиационной критики, не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между ними. Выход видится лишь в развитии массовой медиационной диалогической культуры.

\* \* \*

Социокультурный анализ проблемы показывает, что общество методологически может рассматриваться в рамках дуальной оппозиции "движение мысли на уровне личности, личной программы деятельности, ее реализации - циклы, ритмы в масштабе большого общества", иначе говоря, дуальной оппозиции "микроуровень - макроуровень". Это позволяет рассматривать общество как процесс, протекающий между названными полюсами, как процесс, идущий через дуальную оппозицию между полюсами "взаимопроникновение - взаимоотталкивание", как процесс их взаимной критики. Такой подход открывает новые перспективы для анализа динамики общества, дает возможность рассматривать эти процессы как преодоление различий, противоположностей архаичного циклизма и идеала прогресса.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность.* 2001. № 2.
- Ахиезер А.С.* Рецензия на книги А.Я. Янова, И.Г. Яковенко, А.П. Давыдова // *Pro et Contra.* 1999. Т. 4. №4.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997-1998.
- Ахиезер А.С.* Философские основы социокультурной теории и методологии // *Вопросы философии.* 2000. № 9.
- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Ярква Е.Н.* Культурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.
- Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001.
- Давыдов А.П.* "Духовной жаждой томим". А.С. Пушкин и становление "срединной культуры" в России. М., 1999.
- Кушкова А.Н.* О некоторых коммуникативных аспектах крестьянской ссоры второй половины XIX века // *Проблемы социального и гуманитарного знания.* Вып. 2. СПб., 2000.
- Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.